

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

ВЫПУСК 4

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

**Москва
2016**

УДК 32
ББК 66.0
С 37

Серия
«*Политология*»

ИНИОН РАН
Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел политической науки

Редакционная коллегия:

О.Ю. Малинова – д-р филос. наук, главный редактор,
Д.В. Ефременко – д-р полит. наук, *В.Н. Ефремова* – канд. полит. наук, ответственный секретарь, *М.В. Ильин* – д-р полит. наук,
Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, *Ю.С. Пивоваров* – акад. РАН, д-р полит. наук, *С.П. Поцелуев* – д-р полит. наук,
И.С. Семенов – д-р полит. наук, *Л.А. Фадеева* – д-р ист. наук

Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН.
С 37 Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки;
Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. – М., 2016. –
Вып. 4: Социальное конструирование пространства. –
371 с. – (Сер.: Политология).
ISBN 978-5-248-00819-3

Рассматриваются теоретические проблемы изучения символической политики как сферы конкуренции различных способов интерпретации социальной реальности. Статьи и рефераты знакомят с исследованиями, посвященными идейно-символической компоненте современных политических процессов. Особое внимание уделяется социальному конструированию пространства как одному из аспектов символической политики.

Для исследователей-политологов, преподавателей и студентов, а также для всех, кто интересуется вопросами развития политической науки.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

УДК 32
ББК 66.0

ISBN 978-5-248-00819-3

© ИНИОН РАН, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Социальное воображение пространства как символическая политика	7
--	---

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Г.В. Пушкарева. Символические формы конструирования политической реальности	15
Г.И. Мусихин. Концепт политической символизации как диалектическое понимание политики	30
Б. Петерссон. Легитимность, популярность и конструирование политического мифа: Современные дискуссии	52
Г.Л. Тульчинский. Наррация в символической политике: Уровни и диахрония	65

ТЕМА ВЫПУСКА: СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Л.В. Смирнягин. Эволюция Места в ходе «производства пространства»	84
Н.Ю. Замятина. «Земля наша дала миру...»: Национальные особенности брендинга территорий	106
Н.М. Мухарямов, О.Б. Януш. Тюркоязычный и финно-угорский «миры» как символические языковые пространства	135
И.Ю. Окунев, Г.И. Остапенко. Символический капитал столичности: Опыт концептуального картирования столиц без актуальной государственности	155

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ: ВООБРАЖЕНИЕ РОССИИ

М.Г. Агапов, Ф.С. Корандей. Популярная картография как ресурс символической политики: Случай Тюменской области	187
О.Б. Подвинцев. Ментальная граница между Уралом и Сибирью в современной России	208
М.Я. Рожанский. Место Москвы в советском сибирском кинотексте: От 1930-х годов к советскому финалу	216
Р.В. Евстифеев, И.В. Задорин, П.Л. Крупкин, С.Д. Лебедев. Городские локальные идентичности и потенциал политической солидаризации	245

ПОЛИТИКА КАК ПРОИЗВОДСТВО СМЫСЛОВ

Д.В. Березняков, С.В. Козлов. «В украинской системе координат»: Символическая география в условиях коллапса украинского государства	259
Л.И. Закирова. Символическое измерение деятельности негосударственных акторов в современных российско-американских отношениях	279
В.Н. Конышев, А.А. Сергунин, С.В. Субботин. Конструирование арктического пространства в российских политических и общественных дискурсах	292
В.Н. Ефремова. Новый год в современной России: Политическое использование праздника в меняющемся контексте	316

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

Эдельман М. Эскалация и ритуализация политического конфликта. (Реферат)	329
Дёрнер А. Политический миф и символическая политика: Формирование смысла с помощью символических форм на примере мифа о Германе. (Реферат)	337

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

О.Ю. Малинова. Новый взгляд на старую проблему: Россия и Европа / Запад в свете постколониального подхода (Рецензия)	354
С.В. Акопов. Почему так актуально «Актуальное прошлое»? (Рецензия)	363

CONTENTS

Social imagination of space as a symbolic politics 7

SYMBOLIC POLITICS AS A MATTER OF STUDY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

G.V. Pushkareva. Symbolic forms and construction of political reality 15

G.I. Musikhin. The concept of political symbolization as a dialectical conception of politics 30

B. Petersson. Legitimacy, popularity and the construction of political myth: Contemporary discussions 52

G.L. Tulchinsky. Narration in symbolic politics: Levels and diachrony 65

THE TOPIC OF THE ISSUE: SYMBOLIC POLITICS AND SOCIAL CONSTRUCTION OF SPACE

L.V. Smirnyagin. Evolution of Place in context of the «production of space» 84

N.Yu. Zamjatina. «Our land has given to the world...»: The national features of branding territories 106

N.M. Mukharyamov, O.B. Yanush. Turkic and finno-ugric «worlds» as symbolic spaces 135

I. Yu. Okunev, G.I. Ostapenko. Symbolic capital of capitalness: Conceptual mapping of stateless capitals 155

IDENTITY POLITICS: IMAGINING RUSSIA

M.G. Agapov, F.S. Korandey. The popular cartography as a resource of symbolic policy: A case of a Tyumen region 187

O.B. Podvintsev. Mental border between the Urals and Siberia in modern Russia 208

M.Ya. Rozhansky. Representations of Moscow in the soviet «siberian» films	216
R.V. Evstifeev, I.V. Zadorin, P.L. Krupkin, S.D. Lebedev. Urban local identities and a potential of political solidarity	245

POLITICS AS PRODUCTION OF MEANINGS

D.V. Bereznyakov, S.V. Kozlov. In the «Ukrainian frame of reference»: Symbolic geography in the context of a collapse of the ukrainian state	259
L.I. Zakirova. Symbolic dimension of non-government organizations' activity in contemporary russian-american relations	279
V.N. Konyshchikov, A.A. Sergunin, S.V. Subbotin. Constructing arctic space in russian political and public discourses	292
V.N. Efremova. The New year in the modern Russia: The political usage of the holiday in a changing context	316

RE-READING CLASSICS

M. Edelman. Escalation and ritualization of political conflict. (Review)	329
A. Dörner. Political myth and symbolic policy: Creating meaning by symbolic forms (the case of the myth about Hermann). (Review)	337

FROM THE BOOKSHELF

O.Yu. Malinova. Revisiting the old problem: Russia and Europe / West in the light of postcolonial approach (Review)	354
S.V. Akopov. Why is so actual the «usable past»? (Review)	363

СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Пространство – хотя и не столь «очевидный», но такой же необходимый аспект публичного производства смыслов, как время. Однако практики символического «освоения» пространства изучены существенно меньше, нежели основные векторы социального времени – темы коллективного прошлого и будущего. Возможно, данное обстоятельство обусловлено неравноправным отношением между временем и пространством в системе представлений, сложившейся в европейском модерне, – тем, что географ Д.Н. Замятин назвал «постоянно нагнетаемой темпоральностью». По его словам, «эта постоянно выявляемая на первом плане проблема времени изначально оказывается двойственной, поскольку речь чаще всего идет в итоге о пространственных представлениях времени и также вечности» [Замятин, 2014, с. 9]. И хотя изучение социальных характеристик пространства все больше становится предметом внимания российских географов и социологов, политологи чаще видят в нем объективный фактор, определяющий структуру политических процессов, нежели предмет и продукт борьбы за смыслы. «Пространственный поворот», наблюдаемый в географии и социологии с конца XX в. – не в последнюю очередь под влиянием трактата А. Лефевра «Производство пространства» (1974), – почти не затронул политическую науку. В настоящем выпуске «Символической политики» мы попытались наметить некоторые направления исследования процесса воображения / конструирования конкретных пространств как публичной деятельности, связанной с производством конкурирующих способов видения социальной реальности, т.е. *символической политики*.

Но всегда ли осмысление пространства является продуктом конкуренции «концепций»? Относительная «неочевидность» темы

пространства для символической политики позволяет увидеть то, что часто остается незамеченным в случае «нагнетаемой темпоральности»: не все проявления времени и пространства как фундаментальных форм бытия осознаются и наделяются смыслами, а значит, входят в поле символической борьбы. Это хорошо показал в своем фундаментальном исследовании социологии пространства А.Ф. Филиппов. Во-первых, «пространство есть именно *феномен*, который может восприниматься по-разному, в разных модусах». В теоретическом модусе восприятия оно оказывается кантовской «бездейственной чистой формой» [Филиппов, 2008, с. 106] и в этом качестве осмысливается на философском уровне. Философская рефлексия безусловно сопряжена с конкуренцией разных способов видения предмета, однако носит преимущественно рациональный (и неэмоциональный) характер, требует определенных знаний и навыков, и если и оказывает влияние на массовые представления, то опосредованно и в длительной перспективе. Как верно заметил Филиппов, «подлинно социальное значение имеет *смысл пространства* (выделено мною. – О. М.) или, точнее говоря, именно тех фрагментов пространства, которые мы называем территориями, местами, регионами» [там же, с. 116]. Именно *место* как конкретное пространство, имеющее границу и «воспринимаемое как неделимое единство» [там же, с. 261], оказывается предметом означивания и символической конкуренции.

Во-вторых, означивание места опирается не только на разделяемые смыслы, но и на телесные практики. Если принять вывод Филиппова о том, что для поведения «имеет силу не понятие, не образ, не общее представление о пространстве, а его практическая схема», т.е. «смысловой комплекс знаний и умений, позволяющих ориентироваться в пределах определенного региона» [там же, с. 193, 262], то необходимо признать, что такие комплексы отчасти формируются на дорефлексивном уровне, в процессе взаимодействия тела и физического пространства. Разумеется, на уровне рефлексии практические схемы конкретных пространств опираются на социально разделяемые представления о них, что создает предпосылки для их превращения в предметы символической политики. Однако эта возможность не всегда реализуется в действительности, поэтому при изучении социальных аспектов бытия в пространстве (и времени) необходимо учитывать не только влияние мифов, стереотипов и прочих разделяемых представлений о месте, но и силу телесных привычек, заключенных в практических схемах. Это становится очевидным, например, при анализе социальных взаимодействий в

городских пространствах: во многом основанные на рутинных поведенческих моделях, они в то же время включают символические компоненты – имеют *значение*, опираются на нарративы места [Licari, 2011, p. 49–51], могут становиться «темой коммуникации» [Филиппов, 2008, с. 120], оказываются предметом оспаривания, отражают отношения власти и доминирования [Thornham, Parry, 2015]. Исследователя символической политики интересует именно эта сторона социологии пространства.

Изучение конкурирующих символов, мифов, нарративов, образов мест (стран, территорий, регионов, городов и проч.) может опираться на заделы, созданные в дисциплинарных рамках географии, истории, урбанистики, литературоведения, киноведения, истории архитектуры, а также прикладных исследований электоральных процессов, географии малого бизнеса и местного самоуправления, брендинга территорий и др. Такие исследования отчасти стимулируются развитием индустрии культурного наследия: формирование и культивирование образов тех или иных географических мест сегодня оказывается важной экономической и политической задачей. К сожалению, достаточно большая литература о социальном воображении пространства пока слабо систематизирована и не всегда известна специалистам из смежных областей. Хотелось бы надеяться, что наш сборник, в котором наряду с политологами участвуют географы, социологи, языковеды и специалисты по истории кино, внесет определенную лепту в наведение междисциплинарных мостов.

Разумеется, здесь возможны различные исследовательские ракурсы. Географа, изучающего образ места, интересует то, как «конкретное географическое пространство, со всеми его социокультурными, художественными, политико-экономическими коннотациями, задает... условия репрезентации и интерпретации практически всех возможных в данном месте и в данное время дискурсов» [Замятин, 2014, с. 449]. Рефлексия социолога связана с выбором позиции наблюдателя социальных взаимодействий, имеющих место в структурированном пространстве [Филиппов, 2008, с. 119–147]. Вместе с тем предметом изучения могут быть и двусторонние связи между территорией и идентичностями проживающих на ней групп, т.е. анализ того, как социальные отношения структурируют пространство (наделяют его участки различной ценностью, выстраивают их иерархию), и в то же время – как социумы «впитывают» определенные свойства «своего места». Н.Ю. Замятина называет это концепцией социогеографического пространства [Замятина, 2012].

Внимание же исследователя символической политики скорее будет сосредоточено на публичных коммуникациях, в которых разные акторы пытаются продвигать собственные интерпретации конкретных пространств, а также их границ.

В круг таких акторов входят представители разных профессиональных групп – политики, журналисты, публичные интеллектуалы, кинематографисты, краеведы, музейщики, скульпторы, архитекторы, – все, кто так или иначе участвует в создании и продвижении смыслов места. Иногда деятельность такого рода носит целенаправленный характер и именуется брендингом территории. Однако куда чаще образ места формируется в процессе спонтанного взаимодействия акторов. Позиция политиков, облеченных властью, на этом поле двояка: они, с одной стороны, стремятся использовать образы территорий как символический ресурс для достижения различных целей; а с другой стороны – имеют возможность принимать решения, меняющие социальные характеристики пространства (например, границы территории, названия географических объектов, часовые пояса и др.).

Смыслы места являются частью символических репертуаров, на которые опираются индивидуальные и коллективные идентичности, – в частности, территориальные, региональные, национальные, макрополитические и проч. [Политическая идентичность... 2012]. При этом пространственные образы не выступают как нечто самостоятельное по отношению к другим составляющим такого рода репертуаров – они тесно переплетены с историческими, литературными, художественными, маркетинговыми и иными конструкциями. Однако если исторические символы и нарративы отсылают к прошлому, то пространственные образы тесно связаны с настоящим; поэтому они оказываются особенно ценным ресурсом политики идентичности там, где запас символов «актуализированного» прошлого относительно скуден, а географические границы приобретают значение политического ресурса.

Социальное конструирование пространства – основная тема четвертого выпуска ежегодника «Символическая политика».

Как обычно, его открывает рубрика «Символическая политика как предмет изучения: Теоретические и методологические проблемы», в которой представлены статьи Г.В. Пушкаревой, Г.И. Мусихина, Б. Петерссона и Г.Л. Тульчинского. Профессор Московского университета Г.В. Пушкарева предлагает модель, описывающую функционирование символических форм в политике. Отталкиваясь от сущностных черт человека как *animal*

symbolicum, она анализирует особенности функционирования символов-сигнификаторов и символов-интеграторов и описывает механизмы проблематизации и поддержания «символического универсума», т.е. мифов, объясняющих природу политических отношений и их высший смысл. Профессор московского кампуса ВШЭ *Г.И. Мусихин* обосновывает собственную концепцию политической символизации, выводя ее содержание из анализа теории символа, созданной немецким романтизмом. Предлагаемое им понятие указывает на множественность смыслов политической коммуникации, конвенциональность которых заранее не обеспечена. По мысли автора, политическая символизация состоит в коллективном смысловом взаимодействии, производящем и воспроизводящем смыслы. Профессор Университета Мальмё (Швеция) *Б. Петерссон* рассматривает применение концепции легитимности в недемократических средах, где легитимность не основывается на легально-рациональных принципах (в веберовском смысле). Сопоставляя харизматическую легитимность и личную популярность, он анализирует основания поддержки президента В. Путина и дилеммы, которые могут возникнуть в процессе передачи политической власти. Профессор петербургского кампуса ВШЭ *Г.Л. Тульчинский* предпринимает попытку систематизации уровней нарративных практик в символической политике. Таким образом, ежегодник 2016 г. продолжает теоретические дискуссии, начатые в предыдущих выпусках «Символической политики».

Рубрика «Символическая политика и социальное конструирование пространства» представлена статьями географов, политологов и лингвистов. Известный географ-страновед *Л.В. Смирнягин* рассуждает об изменении значения пространства для территориальной организации общества в постиндустриальную эпоху: если прежде место определялось положением относительно других мест, то сегодня решающую роль стали приобретать собственные качества места, зависящие от смыслов, которые придают ему люди в ходе социальных взаимодействий. По мысли автора, данное обстоятельство влечет за собой трансформацию фундаментальных понятий географической науки. Его коллега *Н.Ю. Замятина* анализирует практику брендинга территорий в российском контексте. Она тщательно вписывает данное понятие в систему категорий, описывающих представления о территории, и анализирует составляющие механизма образно-символической репрезентации места. Замятина предлагает рассматривать бренд как форму символического капитала территории. На основе эмпирического анализа описаний терри-

торий на официальных сайтах субъектов РФ она выделяет различные подходы к презентации регионов и выявляет некоторые их недостатки. Казанские политические лингвисты *Н.М. Мухарямов* и *О.Б. Януш* обращаются к анализу лингвокультурных пространств, рассматривая их как символические конструкты, в формировании которых значительную роль играют международно-политические и историко-географические факторы. Авторы анализируют перспективы тюркоязычного и финно-угорского «миров», конструирование которых опирается на различные комбинации символических, риторических, дискурсивных начал. Представители политологической школы МГИМО *И.Ю. Окунев* и *И.Г. Остапенко* публикуют результаты любопытного эмпирического исследования символического потенциала «столичности» российских городов, которые считаются в тех или иных отношениях «столицами», не будучи при этом центрами реальных государств. С помощью концептуального картирования авторы выделяют специфический пласт «столичности» не только в сознании жителей, но и в пространственно-символической организации самих городов.

Рубрику *«Политика идентичности: Воображение России»* открывает статья тюменских географов *М.Г. Агапова* и *Ф.С. Корандея*, посвященная феномену популярной картографии – практике массового символического использования картографических изображений территорий. Для ее анализа авторы вводят концепцию географического топоса как инструментальной разновидности географического образа, используемой в популярных дискурсах. На примере карты Тюменской области в статье показано, каким образом в контексте, когда сборка регионального социума происходит не столько на историко-культурных, сколько на территориальных основаниях, географический топос может превращаться в важный политико-символический ресурс. Статья пермского политолога *О.Б. Подвинцева* продолжает тему социального конструирования структуры пространства на примере анализа ментальной границы между Уралом и Сибирью. Предметом анализа является их идентификационная «состыковка» в двух пограничных регионах – Тюменском крае и Курганской области. Иркутский историк и философ *М.Я. Рожанский*, анализируя советские фильмы о Сибири, показывает, как от 1930-х к 1970-м годам менялся образ Москвы, выступавший в качестве неизменного фона в кинематографической Сибириаде. Эти изменения иллюстрируют примечательную трансформация структуры воображаемого пространства страны и формирование стереотипных представлений о «центре» и сибирской «пе-

риферии». В статье *Р.В. Евстифеева, И.В. Задорина, П.Л. Крупкина и С.Д. Лебедева* представлены результаты социологического исследования локальных идентичностей во Владимире, Смоленске и Ярославле. Полученные результаты позволяют сделать вывод о наличии во всех трех городах достаточно выраженной локальной идентичности, имеющей культурные основания. Слабее представлены элементы идентичности, связанные с современностью, с ритуалами воспроизводства идентичности и представлениями о структуре сообщества и его границах. Результаты исследования рассматриваются авторами как основа для дальнейшего изучения потенциала политической солидарности.

В рубрике «*Политика как производство смыслов*» собраны статьи, анализирующие политические дискурсы и практики. Новосибирские политологи *С.В. Козлов* и *Д.В. Березняков* исследуют особенности конструирования системы пространственных координат в риторике президента Украины П. Порошенко. Они показывают, как «революция достоинства» становится ключевым элементом пересборки национального нарратива, превращаясь в «миф основания» современной украинской государственности. Аспирантка МГИМО МИД России *Л.И. Закирова* анализирует деятельность негосударственных акторов, формирующих образ России в США. Петербургские политологи-международники *В.Н. Коньшев, А.А. Сергунин* и *С.В. Субботин* описывают структуру современного российского дискурса о политике в Арктике, выделяя основные парадигмы в подходах к определению ее принципов и приоритетов. *В.Н. Ефремова*, продолжая свое исследование государственных праздников, публикует статью о политическом использовании самого «неполитического» из российских праздников – Нового года.

В рубрике «*Перечитывая классику*» можно найти реферат статьи *М. Эдельмана «Эскалация и ритуализация политического конфликта»*, в которой символическая политика рассматривается как инструмент управления политическими конфликтами. В ней также представлен реферат книги *А. Дёрнера «Политический миф и символическая политика»*, излагающей предложенную автором концепцию символической политики. Под этим термином Дёрнер понимает обслуживаемое различными семиотическими средствами стратегическое применение символического капитала. Особое внимание германский теоретик уделяет функциям политического мифа.

Рубрика «*С книжной полки*» предлагает вниманию читателя две рецензии. *О.Ю. Малинова* рассказывает про книгу тартусского политолога-международника В. Морозова «Постколониальная иден-

тичность России: Соподчиненная империя в европоцентрическом мире». А петербургский исследователь *С.В. Акопов* дает оценку книге *О.Ю. Малиновой* «Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности».

Литература

- Замятин Д.Н. Постгеография: Капитал(изм) географических образов. – СПб.: Гуманитарная Академия, 2014. – 592 с.
- Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. – М., 2012. – № 5. – С. 151–163.
- Политическая идентичность и политика идентичности / [Отв. ред. И.С. Семеновко] – М.: РОССПЭН, 2012. – Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. – 471 с.
- Филиппов А.Ф. Социология пространства. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 285 с.
- Licari G. Anthropology of urban space: Identities and places in the postmodern city // World Futures. – L., 2011. – Vol. 67, N 1. – P. 47–57.
- Thornham H., Parry K. Constructing communities: the community centres as contested site // Community development journal. – Manchester, Eng., 2015. – Vol. 50, N 1. – P. 24–39.

О.Ю. Малинова,
доктор философских наук,
главный научный сотрудник ИНИОН РАН,
профессор МГИМО МИД России,
e-mail: omalinova@mail.ru